

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России XVII века. – Л.: Наука, 1989.
2. Административно-территориальное деление Псковской области (1917-1988 гг.). Книга 1. – Л.: Лениздат, 1988. – 412 с.
3. Варес П., Осипова О. Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. – Таллинн: Изд. Эстонской энциклопедии, 1992. – 363 с.
4. Вахтре С., Лаур М. История Эстонии. – Таллинн: Валгус, 1990.
5. Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Пер. Б. И. Тух. – Таллинн: Купар, 1992. – 239 с.
6. Манаков А. Г. На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии. – Псков: Изд-во ПГПИ, 2004. – 296 с.
7. Моора Х. А. Русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, том XXIII, 1954.
8. Народы европейской части СССР // Народы мира. Этнографические очерки. – М., 1964. II. – С. 110-214.
9. Рихтер Е. В. Русское население западного Причудья: Очерки истории, материальной и духовной культуры. – Таллинн, 1976.
10. Setumaa. Eesti III. – Tartus, 1928.

В. А. Колосов, Н. А. Бородулина

РОССИЙСКО-ЭСТОНСКАЯ ГРАНИЦА: БАРЬЕРЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

«В начале осени 36 года мне довелось посетить древний русский край, отрезок Псковщины, и ныне русский до глубочайших корней, но включенный игрой судьбы в пределы эстонские: побережье Чудского и Псковского озер. Городище, Изборск, Печоры... Из поездки в Псковщину самым острым во мне осталось – странное чувство рубежа, впервые испытанное мною».

Иван Шмелев, «Рубеж»

В соответствии с современными теоретическими взглядами, граница – не только международно-правовой институт, обеспечивающий неприкосновенность и целостность государственной территории, суверенитет населения, но и продукт деятельности (или общественной практики в терминах А. Лефевра) жителей приграничных районов, результат длительного исторического и геополитического развития, важный символический маркер этнической и политической идентичности.

Поэтому важно изучить во взаимосвязи и на разных пространственных уровнях, во-первых, практику приграничной повседневной деятельности, протекающую под влиянием близости границы и связанную, в частности, с обеспечением трансграничных взаимодействий. Размах, форма и цели этой деятельно-

сти в сильной степени зависят от понимания национальной безопасности и роли данной границы в ее обеспечении соответствующим государством и другими субъектами политической деятельности – например, региональными властями и ЕС. Пограничная деятельность определяется режимом границы, но и сама на него влияет.

Во-вторых, необходимо также на разных уровнях рассмотреть пограничную политику, под которой в широком смысле понимается государственная и международная институциональная и правовая инфраструктура, обеспечивающая трансграничные потоки и определяющая соотношение между барьерными и контактными функциями границы – иными словами, степень ее прозрачности. Эта инфраструктура отражает приоритетные цели го-

сударства, приграничных регионов и местных властей, включает стимулы и ограничения приграничной деятельности, регулирует процессы внутренней и внешней (трансграничной) территориальной интеграции.

В-третьих, нужно исследовать *восприимчивые границы*, т.е. характер, эволюцию и каналы влияния на социальные представления о границе, приграничных районах, отношениях соседних государств и районов, приграничном сотрудничестве, включая соответствующий дискурс на уровнях «высокой» (политиков, экспертов) и «низкой» геополитики (общественное мнение)¹. В человеческом сознании существует ментальная карта, отражающая его пространственные предпочтения, систему ценностей и возможностей. Она характеризует как каждую личность, так и социальные группы в целом и является одним из существенных элементов этнической и территориальной идентичности людей, т.е. отождествлению людьми себя и своих интересов с интересами лиц своей национальности, граждан своего государства, жителей своего региона или местности. Достижением теории границ стало более глубокое понимание значения *локального уровня*. Доказано, что местные территориальные общности – вовсе не пассивные субъекты воздействия центральных властей, но активно влияют и на реальный режим, характер и восприятие границы в соседних странах².

Задача этой статьи – сравнительный анализ восприятия российско-эстонской границы жителями приграничных районов обеих стран и их влияния на приграничное сотрудничество. Работа входит в серию наших публикаций, представляющих результаты работы над частью международного научного проекта EXLINEA (Lines of Exclusion as Areas of Cooperation: Reconfiguring the External Boundaries of Europe), поддержанного Европейским Союзом и посвященного функциям границ и приграничному сотрудничеству в

условиях расширения ЕС. Она основана на формализованном опросе российских экспертов по единой анкете, разработанной для 10 разных участков границ в Центральной и Восточной Европе, а также 53 глубинных интервью с представителями областных и местных администраций, федеральных служб, академическими экспертами, руководителями предприятий и организаций, предпринимателями, лидерами общественных организаций и т.п. Анкетирование и интервью были проведены во время наших поездок в приграничье с Эстонией районами Ленинградской и Псковской областей³ в июне и сентябре 2004 г. Аналогичная работа с эстонской стороны границы была выполнена коллегами из Тартуского университета под руководством д-ра Э. Берга.

Таким образом, респонденты отличались высоким уровнем образования и социальным статусом; примерно для двух третей из них сотрудничество с эстонскими коллегами на сопредельных территориях входит в число служебных обязанностей или связано с повседневной деятельностью. Занимая, как правило, руководящие должности, наши респонденты могут оказывать влияние на мнение широкого круга людей, поэтому анализ их позиций представляет значительный интерес. Изучение около 150 заполненных российскими и эстонскими экспертами формализованных анкет и нескольких десятков подробных интервью продолжительностью около часа позволило сделать некоторые выводы о восприятии соседей, границы и проблем приграничья.

Приграничное сотрудничество: пределы необходимости

Есть три объективных и постоянных фактора, вызывающих необходимость приграничного сотрудничества между Эстонией и Россией хотя бы на минимальном уровне: 1) территориальная близость ряда населенных пунктов и родственные связи между людьми,

¹ Scott, J. W. Euroregions, Governance and Transborder Co-operation within the EU. – European Research in Regional Science, 2000, vol. 10 (Border, Regions and People), pp. 104-115; Van Houtum H. Internationalisation and Mental Borders, in: Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, 1999, vol. 90 (3), pp.329-335.

² Lunden, T. and D. Zalamans. Boundary Towns. Studies of Communication and Boundaries in Estonia and Its Neighbours. Stockholm: Stockholm University, 2000; Kolossov V. Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches. – Geopolitics, 2005, vol. 10, N 4, pp. 1-27.

³ Авторы считают своим долгом выразить искреннюю признательность за понимание и действенную помощь В. П. Лопатину, А. Н. Баландину, А. Г. Манакову (Псков), Д. В. Ворновских (Кингисепп) и Т. В. Шаровой (Ивангород), общение с которыми было исключительно полезно и плодотворно.

живущими по обе стороны границы; 2) взаимная заинтересованность в нормальной работе транспортных магистралей между двумя странами, пограничной и иной инфраструктуры; 3) предотвращение стихийных бедствий и техногенных катастроф, охрана бассейна пограничного Чудского озера и рек.

Территориальная близость между населенными пунктами двух стран имеет положительные и отрицательные стороны. Семейные и личные связи между населением Нарвы и Ивангорода, разделенных лишь рекой Нарвой, и приграничных районов двух российских областей и Эстонии – долгосрочный объективный фактор приграничного сотрудничества. Ежедневно через мосты между Нарвой и Ивангородом пешком переходят границу по меньшей мере 2000 человек⁴. Широко развита мелкая челночная торговля, служащая существенным источником дохода для значительной части населения обоих городов. На эстонской территории перекупщики аккумулируют водку, сигареты, дешевые лекарства, бензин и другие товары, перемещаемые людьми в небольших количествах. Жители Нарвы пользуются более дешевыми услугами в Ивангороде. Благодаря мелкой торговле в Ивангороде создано немало предприятий торговли – бензоколонок, аптек, что позволило обеспечить рабочими местами часть людей, уволенных с испытывающих кризис или закрытых крупных предприятий, способствовало пополнению местного бюджета. Сходная картина наблюдается и в Печорах. В результате сохранения личных контактов приграничные районы и города, особенно Ленинградской области, поддерживают постоянные и довольно интенсивные культурные связи: обмен школьными делегациями, поездки на творческие конкурсы, соревнования и т.п. В Тарту и прошли «Дни Пскова»; аналогичный культурный фестиваль состоялся в Пскове. Нарва имеет постоянные культурные контакты с Кировским районом С.-Петербурга. Несмотря

на многочисленные трудности, в Ивангородском гуманитарно-техническом филиале С.-Петербургского гуманитарного университета обучаются по техническим специальностям студенты из Нарвы, причем среди заочников их до 60%⁵.

В то же время мелкая приграничная торговля приводит к оттоку средств и потере потенциальных рабочих мест в Нарве, а ивангородские власти жалуются, что были вынуждены оплачивать льготы жителям соседнего города (например, бесплатный проезд на автобусе нарвским пенсионерам, многие из которых имеют российское гражданство). В англоязычной литературе это явление широко известно под названием *spill-over effect*. Коммунальные услуги в Ивангороде – самые дорогие среди городов Ленинградской области, поскольку после распада СССР городу пришлось построить очистные сооружения и пробурить скважины для получения питьевой воды (раньше оба города пользовались едиными службами)⁶.

Транспорт и пограничная инфраструктура. Кингисепп, Ивангород, Печоры и некоторые другие населенные пункты благодаря возникновению государственной границы получили дополнительные рабочие места в пограничной и таможенной службах. Потенциально пограничье может получать косвенные доходы благодаря обслуживанию транзитных потоков. Через станцию Ивангород, например, в обоих направлениях ежедневно проходят около 2000 товарных вагонов⁷. Стороны нашли взаимопонимание по вопросу о восстановлении судоходства между Тарту и другими эстонскими и российскими портами на Чудском озере. Начало коммерческих рейсов долго откладывалось исключительно из-за бюрократических проволочек с российской стороны, хотя недалеко от Пскова на частные инвестиции был построен новый порт Сторожинец⁸.

Обсуждается необходимость капитальной реконструкции и переноса обветшавше-

⁴ Интервью с Т. В. Шаровой, директором Ивангородского Центра устойчивого развития, июнь и сентябрь 2004 г.

⁵ Интервью с Н. М. Лукиной, зам. директора Ивангородского гуманитарно-технического института – филиала С.-Петербургского гуманитарного университета, сентябрь 2004 г.

⁶ Интервью с А. Д. Шаниным, зам. главы муниципального образования «Ивангород» Ленинградской области, и Т. В. Шаровой, сентябрь 2004 г.

⁷ Интервью с экспертом из Кингисеппской таможни.

⁸ Интервью с А. А. Васильевым, генеральным директором Псковского порта, июнь и сентябрь 2004 г.

го пограничного моста на трассе Петербург – Таллинн. Оборудование пограничных переходов пока еще не удовлетворяет современным требованиям (в частности, ЕС). В Ивангороде регулярно возникают длинные очереди. Эксперты отмечают, что российские пограничные службы недостаточно гибко реагируют на изменения в потоке людей и транспортных средств по сравнению с эстонскими. В то же время ряд переходов (например, в Печорах) недоиспользуются.

Защита окружающей среды и предотвращение природных и техногенных рисков. Российская и эстонская стороны озабочены техническим состоянием плотины Нарвской ГЭС, построенной в середине 50-х гг. на ныне пограничной реке Нарове. Если она не выдержит паводка, по обе стороны границы пострададут 35 тыс. человек. Стороны вынуждены согласовывать уровень Нарвского водохранилища. Российская сторона хотела бы, чтобы он был на 2 м ниже нынешнего, что облегчило бы добычу фосфатов, а эстонская заинтересована в его сохранении для поддержания производства электроэнергии на Нарвской ГЭС, находящейся на территории Эстонии.

«Чудской проект», созданный тартуской и псковской общественными организациями и направленный на защиту уникального озера – одна из самых успешных совместных инициатив⁹. Есть и другие, пока нереализованные совместные проекты.

Однако в целом приграничное сотрудничество до последнего времени оставалось относительно слабым. До конца пока не удалось создать его автономный, самоподдерживающийся механизм, опирающийся на прочную правовую и институциональную основу. Приграничное сотрудничество сильно зависит от личной позиции руководителей и сотрудников областных и местных властей, и администрации как с российской, так и с эстонской стороны остаются его главными движущими силами. Между тем, из европейского опыта хорошо известно, что приграничное сотрудничество по-настоящему успешно только тогда, когда опирается на все «три ноги» – местные власти, бизнес и общественные орга-

низации. С российской стороны Псковская областная администрация была более активна в продвижении идей приграничного сотрудничества, чем администрация Ленинградской области. Отчасти это объясняется объективно большим значением ПС для относительно небольшой по демографическому и экономическому потенциалу Псковской области, отчасти субъективными причинами.

Контакты между российской и эстонской стороной охватывают преимущественно узкую полосу поселений, непосредственно примыкающих к границе. Влияние границы на жизнь города Кингисеппа, находящегося всего в 26 км от нее, минимально – по мнению местных экспертов, в ней мало что изменилось бы, если бы город находился далеко от рубежа государства. Оно проявляется в основном в личном опыте людей зрелого и пожилого возраста, ранее часто бывавших в Эстонии и в базировании подразделений пограничных служб. В порубежье Ленинградской области и Северо-Востока Эстонии приграничное сотрудничество недостаточно, чтобы решить конфликтные проблемы и тем более упрочить контакты между двумя странами¹⁰.

Геополитика против геоэкономики: приграничные территории – заложники центра

Причины такой ситуации многообразны. Прежде всего, пограничное сотрудничество остается в заложниках **двусторонних отношений**, которые бывший министр иностранных дел Эстонии справедливо назвала ледяными. Когда Эстония достигла своих стратегических внешнеполитических целей – вступила в НАТО, а затем и в ЕС, в России возникли надежды на изменение эстонской позиции по чувствительным для нее вопросам и смягчения дискурса в СМИ. Это прежде всего интерпретация советского периода совместной истории, рассматриваемого в странах Балтии как оккупация, и требования к России принести за нее извинения, открывающие путь для предъявления материальных претензий. Отношение Эстонии к прошлому двух стран президент Арнольд Рюйтель еще раз

⁹ Интервью с О. В. Василенко, главой общественной организации «Чудской проект», сентябрь 2004 г.

¹⁰ Berg E. De-constructing Border Practices in the Estonian-Russian Borderland. *Geopolitics*, 2001, vol. 5 (3), pp. 78-98.

четко выразил в недавнем интервью «Независимой газете»: «Какие бы термины ни использовались, в 1940 году, по сути, произошла оккупация Эстонии, за которой последовали массовые аресты, репрессии, депортации»¹¹. В Москве также надеялись, что вступление Эстонии в ЕС будет способствовать смягчению пограничного режима и облегчит положение неграждан и в целом русскоязычного населения.

В Эстонии, в свою очередь, предполагали, что Россия ратифицирует договор о границе между двумя странами, поскольку сопротивление окончательному решению этой проблемы в расширенной Европе потеряло всякий смысл. Эстонская сторона ожидала от расширения ЕС улучшения условий экспорта в Россию, регулируемых ныне общеевропейскими нормами и в особенности устранения двойного налогообложения эстонских товаров. В Таллинне надеялись на дружеские жесты со стороны России – например, возвращения эстонских культурных ценностей. К сожалению, большей части этих надежд не соуждено было сбыться¹².

Развитие отношений между Россией и Эстонией во многом базируется на геополитических представлениях как элементе национальной идентичности, включая взгляды на роль страны в мире, ее желательных союзников, угрозы национальной безопасности и т.д. Отношение к границе – также элемент этнической и политической идентичности, так как отражает представления людей о совпадении рубежей фактического и «действительного» национального пространства и его безопасности. Как в России, так и особенно в Эстонии восприятие и новой границы между государствами высоко эмоционально и значительно влияет на развитие приграничного сотрудничества и на государственном, и на местном уровне.

Эксперты подтвердили сильную зависимость приграничного сотрудничества от внешнеполитических ориентаций двух стран и напряженных двусторонних отношений. В Эстонии причину видят в демонстрации Рос-

сией неоимпериалистических тенденций, попытках оказать давление на соседей. По мнению эстонских респондентов, «*остается враждебность во взаимных отношениях*», «*обе стороны заинтересованы в сотрудничестве, но ни одна страна не делает ничего, чтобы поддержать его*». В свою очередь, российские эксперты обвиняют эстонцев в национализме и ксенофобии, часто используемых в целях получения политического капитала и экономических дивидендов от Запада. «*Эстонцы развращены бесконечными вливаниями из Европы*». «*Единственный способ быстро набрать политические очки для любой эстонской партии и любого политика – антироссийские настроения. Это беспроигрышный ход*». Замкнутость эстонцев, по мнению российских экспертов, усугубляется «исторической закомплексованностью»: «*У них обида на весь мир, что они никогда не были самостоятельной нацией. Они были все время под шведами, под Россией... Может быть, у них обида на русских. Не знаю, почему, но национализм у них проявляется больше, чем у русских*».

Типично также мнение псковского эксперта: «*Президент Торгово-промышленной палаты Эстонии говорил перед вступлением в ЕС, что Россия – это тот монстр, который привел Эстонию к деградации, и что сотрудничество с Россией – это путь к нищете и краху. Это все, конечно, было проплачено*». Недавнюю совместную историю россияне оценивают диаметрально противоположно эстонскому дискурсу об оккупации: «*Сначала СССР кормил Эстонию, а теперь Евросоюз посадил ее на иглу, сделал своим рупором против России. А сколько оружия перевозилось через Эстонию для той же Чечни. Я думаю, что пользы никакой на сегодняшний день от Эстонии нет. Была бы польза, если бы были бы нормальные отношения, если бы она была нашим нормальным соседом*».

Приоритеты «высокой геополитики» мешают развитию приграничного сотрудничества. «*Все эти международные перепады от любви к ненависти сказываются на от-*

¹¹ Арнольд Рюйтель: Москва ставит эстонских русских в неловкое положение. http://www.ng.ru/world/2005-10-07/6_ruitel.html

¹² Симомян Р. Х. Россия и страны Балтии. – М.: Академия, 2003; Россия – Балтия. Доклады СВОП. Под ред. Ознобищева С. К. и Юргенса И. Ю. М.: Изд. центр исследовательских и образовательных программ, 2001.

ношениях партнеров друг к другу. Это нельзя назвать прямым влиянием, скорее, это психологическое воздействие. Эстонцы говорят, что мы в шоке от наших политиков. Это все политические игры, предпринимателям, особенно соседям они не на пользу», – считает представитель российского бизнеса.

Некоторые российские эксперты полагают, что местные власти Нарвы просто боятся сотрудничать с российскими партнерами, так как боятся болезненной реакции центрального правительства, которое, в свою очередь, опасается возможных сепаратистских настроений: «Эстонцы на нарвском направлении вообще препятствуют этому сотрудничеству. Ни на один семинар по приграничному сотрудничеству не приглашались представители Нарвы. Северо-Восток наглухо закрыт. Причем в Эстонии, в отличие от России, регулированием муниципального сотрудничества занимается министерство внутренних дел. Там это все возведено в ранг государственной политики».

При этом **представления российских экспертов о перспективах сотрудничества с Эстонией жестче и пессимистичней, чем мнение эстонцев**. Эстонцы зачастую недовольны внешней политикой своего государства в отношении России: «Эстонская сторона постоянно требует у России денежных компенсаций за прошлое, но если так будет продолжаться, для хороших межгосударственных отношений нет будущего». «Будучи небольшим государством, Эстония слишком показывает свою гордость в отношениях с Россией. Я полагаю, что Эстония должна следовать в отношениях с Россией примеру Финляндии». «Я присутствовал при работе комиссий обоих государств над пограничным соглашением, но оно до сих пор не ратифицировано Госдумой РФ. В этом виноваты эстонские дипломаты». «Отношение Эстонии и ЕС к России могло бы быть лучше». «Я думаю, что не мудро игнорировать и высмеивать наших восточных соседей – что делают эстонские политики, концентрируясь на таких вещах, как Чечня». Такие оценки можно расценивать как готовность сделать шаг

навстречу партнерам. Россияне же часто убеждены в изначальной недружелюбности партнеров: «В Эстонии в антироссийском угаре жертвуют экономической выгодой. Эстонцы стремятся забыть русских...».

Интересно сравнить отношение политической элиты и респондентов к концепции о роли Эстонии и других стран Балтии как посредников в отношениях между Россией и Западом (gateway states), подробно обоснованной крупнейшим американским геополитиком С. Коэном¹³. По мнению президента А. Рюйтеля, «**Эстония имеет все предпосылки для того, чтобы стать мостом между Россией и Западом**. Хотя бы в логистическом смысле, если иметь в виду наши современные порты и скоростные трассы. Еще в советское время между Эстонией и Россией были хорошие экономические отношения. Почему бы сейчас не применять этот опыт? Сегодня 81% внешнеторговых связей Эстонии приходится на страны ЕС, причем 70% – на старых членов ЕС, требования которых значительно строже, чем в целом по ЕС. Всего 5-6% нашей торговли приходится на Россию. Этот процент мог бы быть намного выше, учитывая, что наши товары конкурентоспособны на рынках Евросоюза»¹⁴. В отличие от президента, многие эстонские эксперты-жители пограничья полагают, что время уже упущено, и Россия в своих отношениях с ЕС может обойтись и без Эстонии. Об этом, в частности, свидетельствует подписание российско-германского соглашения о строительстве газопровода по дну Балтийского моря. Приведем мнение эстонского бизнесмена: «Я не вижу будущего Эстонии как посредника между Россией и Европой. Этот поезд давно ушел. Все крупные европейские государства уже имеют свои предприятия в России. Это иллюзия, что европейские предприниматели нуждаются в преодолении приграничных барьеров, чтобы попасть на российский рынок. Рано или поздно Россия станет членом ЕС». По мнению другого предпринимателя, Эстония находится «меж двух огней»: «Мы думали, что больше не нуждаемся в российском рынке, однако ЕС теперь считает наши товары неконкурентоспособ-

¹³ См., например, Cohen S. Global Geopolitical Changes in the Post-Cold War Era. – Annals of the Association of American Geographers, 1991, vol.81, pp. 551-580.

¹⁴ Арнольд Рюйтель, там же.

ными. Но если раньше существовали отношения между Россией и Эстонией, то теперь – отношения между Россией и ЕС». При этом опрошенные представители эстонского бизнеса проявляют интерес к российскому рынку, надеясь, что они «все-таки полезны России – можем помочь ей найти европейских партнеров».

Российские эксперты согласны с мнением о том, что Эстония могла бы стать для России настоящим «окном в Европу», если бы не холодные двусторонние отношения. «Они повернуты на Запад, но умные эстонцы – бизнесмены, политики, банкиры – понимают, что будущее Эстонии – со стороны России». «Они находятся в счастливом заблуждении, что вступлением в ЕС обеспечили себе счастье. Финны давно поняли, что это не так, особенно когда у них рухнула торговля с Россией. Любой бизнесмен скажет, что с Финляндией иметь дело действительно намного легче. Там давно осознали, как выгодно быть мостом между Европой и Россией».

Психологический контекст сотрудничества: так ли плохо о нас думают?

Представления о соседнем государстве и жителях формируют психологический контекст приграничного взаимодействия. Результаты опроса показали, что восприятие соседней страны во многом основывается на стереотипах, порожденных телевидением и другими СМИ, систематически представляющим события в ней в негативном свете, соответствующем «высокой» геополитике – взглядам политической элиты на место своего государства в современном мире и отношения между Россией и Западом. Отсюда проистекает психологическая неготовность сотрудничать. При этом **стереотипные представления о соседях и их негативном отношении сильнее с российской стороны – как на местном, так и особенно на региональном уровне.** Так, эксперты из С.-Петербурга полагают, что модель эстонско-российских отношений построена на высокомерии эстонских соседей и их уверенности в своем превосходстве. По их мнению, эстонцы думают, что «что мы все делаем не так и должны у них учиться». Российские эксперты подозревают соседей в неискренности

сти и двуличии: «Они привлекают нас к проектной деятельности так, чтобы как можно больше получить самим, не раскрывая подробности, как можно вместе заработать поровну».

Действительная и декларируемая принадлежность западному миру, по мнению российских респондентов, обуславливает еще одну черту менталитета эстонцев – замкнутость, которая также не способствует установлению дружественных контактов: «Там очень легко попасть в большой круг общения, но очень сложно попасть в узкий круг друзей. Это характерно для всей западной цивилизации. В отличие от нашей». Справедливости ради российские респонденты иногда подчеркивают, что «есть и нормальные эстонцы. Есть и русские такие, что хуже эстонцев...».

Отмечая «европейскость» поведения эстонцев и высокий уровень благоустройства эстонских городов и селений, некоторые российские эксперты, выражая, по всей видимости, распространенные стереотипы, считают эстонцев не совсем «настоящими» европейцами: «Не внутри». Эстонцы, в свою очередь, также не воспринимают российских соседей как европейцев, что иногда порождает недопонимание на семинарах по приграничному сотрудничеству. «Это замкнутый круг. Они переживают детскую болезнь европеизации», при этом «менталитет у них остался советский, хотя и в меньшей степени».

Мнение эстонцев по поводу соседей можно охарактеризовать как нейтрально-позитивное. Лейтмотив высказываний: «Люди как люди. Все зависит от воспитания человека и на той, и на другой стороне. Люди на российской стороне ничем не отличаются от нас». Если говорить о различиях, то эстонские респонденты чаще приводят положительные характеристики: «Русские – прекрасный народ. На той стороне плохие туалеты и рестораны... Но люди добросердечны. Они более добрые и искренние. С ними хорошо сотрудничать». Есть даже восторженные оценки, причем со стороны коренных эстонцев: «Эстонцы не могут любить свою страну, как русские. Эстонцы все хотят уехать в Европу. Русские знают, как улыбаться даже чужакам. Когда мои друзья были в Печорах,

они рассказывали, что не видали ни одного пьяницы на улицах, в Эстонии же вы можете встретить целые компании пьяных у бензозаправки».

Многие эксперты сдержанно говорят, что имеются различия в менталитете, культуре, традициях, привычках («мы более вестернизированные»), но при этом оценивают эти различия вполне позитивно: «мы более сдержанные, они открытые», «они более общительны, эмоциональны». «Конечно, русские отличаются от нас – другая культура, православная церковь. У нас немецкая культура и церковь. И это хорошо, – мы должны радоваться различиям».

Некоторые эстонские респонденты считают, что русские высокомерны. Эта характеристика не соответствует стереотипным взглядам на русский характер. Но если высокомерие эстонцев российские эксперты считают следствием их принадлежности к западному миру, то высокомерие русских эстонцы объясняют принадлежностью к большой нации (советский «старший брат»): «Россия – большая нация, таковы и ее представления о себе». Русские всегда «воспринимали себя как высший класс, который должен обладать большими правами».

Лишь один эстонский эксперт высказался о России однозначно негативно: «С интенсивным развитием экономики русские стали забывать о вежливости и отдают приоритет деньгам. Я был поражен грубостью и коррумпированностью милиции. Грубое поведение в администрации и сфере услуг тоже шокирует. Чтобы жить в России, надо знать, кому дать взятку, и как ответить грубо, что я не могу сделать после жизни в Эстонии».

Формированию ментальных различий русских и эстонцев способствуют разные подходы к образованию. Несмотря на то, что в Эстонии зачастую также работают бывшие советские учителя, школьников учат большей самостоятельности в получении знаний. Поэтому они к институту практически готовы. «Там их приучают к тому, что они должны добывать знания. А у нас, что учительница сказала, это она и спросит. А остальное «нам не задавали». По мнению руководителя ивангородского филиала петербургского вуза, в

котором учатся эстонские студенты, они более свободно излагают свои мысли, не списывают. Уровень подготовки по английскому языку тоже значительно выше. Плохое знание английского языка россиянами – одна из проблем сотрудничества, особенно сейчас, когда выросло новое поколение эстонцев, не говорящих по-русски.

Наше исследование выявило также следующую закономерность: чем ближе к границе живут люди, тем положительнее отклики о соседней стороне, тем меньше влияние стереотипов, и наоборот. Так, некоторые эстонские эксперты отмечают, что отношение к русским среди жителей приграничных районов, лучше, чем на государственном уровне. Это заметно на примере бизнесменов, гораздо чаще контактирующих друг с другом, чем представители местных администраций. Приведем мнение предпринимателя из Кингисеппа: «Эстонцы все-таки достаточно доброжелательны. Я был во всех точках Эстонии – на севере, на юге, в глубине. Лично я на протяжении 15 лет никогда не ощутил никакого прессинга, никакого негативного отношения ко мне как к россиянину, хотя я даже не владею эстонским языком. Может быть, есть что-то на уровне политических интриг. Но на чисто человеческом уровне это не несет никакого негатива». Похоже мнение и эстонского бизнесмена: «Я не встречался с трудностями, работая с российской стороной. Не чувствую комплекса неполноценности, гуляя по коридорам Смольного, и не раздражаюсь, когда охранник просит меня предъявить паспорт. Я привык к деловой атмосфере в России. Часто ездим друг к другу по праздникам».

Отмечая, что преобладание русского населения на Северо-Востоке Эстонии – один из наиболее значимых благоприятных факторов приграничного сотрудничества, эксперты обеих стран единодушны в том, что у эстонских русских уже сформировалась особая региональная идентичность: это уже не русские, но еще не эстонцы. К российским русским они иногда относятся с чувством некоторого превосходства. «Если говорить о нарвских русских, то они кажутся мне более эстонизированными и европеизированными, чем российские русские. И сами они так считают», –

утверждает эстонский эксперт. «*Эстонские русские говорят, что они счастливы, что живут в Эстонии*». По признанию самих нарвлян, они уже «не видят себя как продолжение России». В Нарве даже русские кладбища приобретают вид эстонских – наклонные плиты и подрезаемая сосна как декоративное растение. При этом нарвляне «по-разному ведут себя на территории России и территории Эстонии», – рассказывает эксперт из Ивангорода. – «Знаете, как те животные, которые меняют окраску? Там они добропорядочные граждане почти западной страны, уступают дорогу пешеходам, если они в автомобиле и так далее. А здесь они переходят границу и становятся бывшими советскими гражданами».

Стереотипы восприятия и приграничный бизнес

Что же касается **деловых качеств эстонцев и россиян**, оценки их как партнеров по работе, то эксперты обеих стран отмечают довольно сильные различия в стиле работы, подходах к бизнесу, надежности партнеров, наконец, деловом климате.

В восприятии российских респондентов эстонцы – хорошие работники, более медлительны, но и более дисциплинированы: «*Они медленно говорят, но делают быстро и качественно*». Их стиль работы – спокойный и размеренный, они не привыкли действовать в условиях стресса. Все по плану, с четкой постановкой целей и задач: «*каждый знает, чего он хочет*». В то же время «*с российской стороны люди могут горы свернуть, работая именно в стрессовых, экстремальных условиях, но расслабляются в обычное время*». «*У нас как – две ночи не посплю, зато все сделаю. А там – по два часа каждый день*». Эстонские эксперты отмечают пассивность русских, отсутствие инициативы: «*Они не активны, предпочитают слушаться приказов сверху, до сих пор мыслят иерархическими категориями*».

Если российские эксперты оценивают эстонцев как надежных партнеров, то после-

дние сомневаются в надежности соседей. Это подтвердила и недавняя конференция деловых кругов Таллинна и Москвы. Представитель Эстонии заявил, что эстонский бизнес сильно беспокоит проблема коррупции в России¹⁵.

По мнению президента Псковской Торгово-промышленной палаты, основные различия в условиях ведения бизнеса в России и в Эстонии состоят в том, что «*эстонцы привыкли действовать прямолинейно. У них простая система налогообложения. Если бы у нас была такая система, то наш бизнес бы просто процветал. У них ускоренная система амортизации, и любое имущество списывается в течение трех лет. Мы для них – сложные партнеры. У нас дорогие деньги, высокая ставка кредита... Российская банковская система – тормоз развитию отношений. В Псковской области нет сильного регионального банка. Местные банки хилые, немогут. У нас не хватает нормальной конкуренции западных банков*».

Предпринимательский климат – составная часть **экономических условий** в приграничных территориях. Эксперты обеих стран признают, что **приграничные территории – самые отсталые. Но при этом уровень их разный, так как понятие отсталости относительно**. Эстонские респонденты практически в один голос отвечают, что «*там гораздо хуже*» – зарплата меньше, безработица, запустение. Россияне делают упор на начавшееся возрождение приграничья. «*Если говорить о перспективах развития, то я считаю, что в России их гораздо больше*». «*Три года назад Ивангород и Нарву можно было бы сравнить, как деревеньку в Сибири и деревеньку где-нибудь на Северо-Западе. За последнее время в Ивангороде создали несколько не очень больших, но все-таки довольно солидных по капиталовложениям предприятий, которые за полтора года позволили увеличить бюджет в 10 раз*¹⁶. «*Покупательная способность у населения Кингисеппа более высокая, новые магазины открываются, а из Нарвы едут сюда торговать*»¹⁷.

Надо отметить, что стереотипное российское представление о том, что «в Эстонии

¹⁵ Эстонский бизнес пугает российская коррупция. <http://www.veneportaal.ee/>

¹⁶ Интервью с А. Д. Шаниным.

¹⁷ Интервью с Д. В. Ворновских, зам. главы муниципального образования «Кингисеппский район» Ленинградской области, сентябрь 2004 г.

жить лучше – все равно где», в наших интервью ни разу не прозвучало. Довольно частой была взвешенная оценка – зарплата там высокая, но высоки и квартплата, и цены на продукты, «так что реальный уровень жизни не выше». «Нарва в масштабах Эстонской республики – такая же экономическая дыра, как Псковская область в России. Если эстонского чиновника посылают работать в Нарву, то это ссылка». «И там бедняки, только на европейский манер». Однако все же оценка уровня жизни не в пользу российского приграничья, как с горечью свидетельствует один из ивангородских респондентов: «И вот эстонская сторона освещена, а на русской – темно. И у них флаг эстонский такой яркий, хорошо видно. А у нас вечно обтрепанный. С одной стороны, чувство гордости за нашу Родину, за все ее древности, историю, потому что у нас, конечно, есть, чем гордиться, а с другой стороны – боль за нас. За наш флаг выгоревший. У них все выкошено, приглашено, а у нас – бурьян колосится. Почему так?»

Граница: барьер или открытая дверь? (можно ли отменить ли визовой режим)

«Вот это – Россия, а там, совсем рядом – нет». Российские респонденты, живущие недалеко от границы, единодушно отмечают вызванный ее появлением **психологический стресс**. Жители приграничных поселений до сих пор до конца не адаптировались к жесткому «шенгенскому» режиму границы. Понятно, что с границей у них связаны исключительно **негативные ассоциации**, усиливаемые сравнениями на личном опыте с прозрачными европейскими границами. Многие эксперты приводят сравнительные характеристики: «Огромная разница в сравнении с границами в Европе». «Если граница идеальная, то она должна быть незаметной». Пожалуй, это единственный вопрос, который вызвал у респондентов с двух сторон полное единодушие.

Российско-эстонская граница ныне гораздо сильнее разделяет, а не соединяет. Это барьер, препятствие, помеха, бюрократия, трата времени, очереди, неудобство, закрытость, плохой сервис, сбор денег, ущемление человеческих прав, чувство вины. «Как будто ты в чем-то виноват, когда стоишь в этой оче-

реди на границе. И стоишь долго, и видишь уже свой дом, а тебя туда не пускают. У тебя ничего запрещенного нет, но все равно чувствуешь себя виноватым». Наконец, ощущение депрессии, страх и тревога. У некоторых эстонцев вызывает тревогу близость России («Я не люблю Россию как государство и побаиваюсь ее»), у ряда россиян – соседство с членом НАТО («летают военные самолеты», «мы абсолютно не защищены, теперь рядом натовские войска»). Более нейтральные ассоциации, связанные с границей – ее символы: пункт пропуска, таможня, мост (через Нарву), пограничники, визы, следовая полоса. Подобное отношение к границе явно не способствуют пониманию выгод, связанных с приграничным положением, сотрудничеством с соседями и его превращением в движущую силу отношений между двумя странами.

Вероятно, только для бизнесменов граница не представляет значительного препятствия – они говорят, что очередь на досмотр можно купить, а визу оформить по срочному тарифу. Но даже бизнесмены жалуются на жесткий **визовый режим, который сильно осложняет сотрудничество и препятствует контактам на всех уровнях**. «Это же парадокс, что Франция или Испания стали для нас гораздо ближе, так как там побывало гораздо больше наших людей, чем в соседних Эстонии и Латвии. Мы отрезаны, как будто между нами океан».

Как российские, так и эстонские респонденты считают, что с учетом менталитета обеих сторон для делового сотрудничества между ними личные контакты особенно важны. На вопрос о том, какие эстонцы партнеры по бизнесу, российский бизнесмен с пятнадцатилетним стажем совместной работы отвечает: «Тяжелые, очень тяжелые. Они очень боятся делать какие-то серьезные проекты в российской экономике. Их можно раскрутить только под конкретного человека, под конкретную ситуацию, под конкретного гаранта». Эстонцы также считают, что в России бизнес намного больше зависит от личных контактов, чем в Европе. «Когда меняется директор какой-нибудь компании, сотрудничество не может развиваться дальше». Поэтому жесткий визовой режим в нынешнем

виде – одно из препятствий для приграничного сотрудничества, хотя и далеко не единственное. Из этого следует вывод, что для развития деловых контактов нужно организовать постоянные «площадки» – регулярные выставки и ярмарки, конференции и т.п. Существующий режим границы негативно сказывается на развитии международного и внутреннего туризма, экономики и особенно взаимной терпимости: *«когда теряются контакты, можно навязать любой стереотип»*, – справедливо заметил один из экспертов. Изоляция рождает незнание, незнание – страх и недоверие, а такое восприятие соседа – сильнейшая помеха для исторического примирения и действительного решения проблемы.

В связи с этим вопрос о возможности введения в перспективе *безвизового режима* у всех опрошенных предпринимателей независимо от национальной принадлежности вызвал исключительно положительную, но вместе с тем и скептическую реакцию. *«Это прекрасно, но такого не будет!»*. Этот режим – разумеется, вопрос отношений России не с Эстонией или Литвой, но с объединенной Европой в целом. В новых государствах Евросоюза особенно сильны ощущения угрозы, исходящей от огромной непредсказуемой России, имеющей к тому же полупрозрачные границы с беспокойными южными соседями и никак не могущей стабилизировать обстановку на Северном Кавказе. Ощущение внешней опасности всегда рождает в обыденном сознании стремление свести к минимуму или вообще прекратить контакты с нежелательным или опасным соседом: если от него нельзя избавиться, если невозможно его подчинить, контролировать или куда-либо переселить, нужно от него отгородиться. Такой стратегии придерживались целые государства, воздвигавшие «великие стены» – китайскую, английскую (отделявшую Англию от Шотландии), берлинскую и уже в наши дни – ближневосточную, с помощью которой израильское правительство хотело оградить израильтян от палестинцев¹⁸.

Неудивительно, что эстонские эксперты в целом *против* полной отмены визового ре-

жима. Они аргументировали свою позицию возможным притоком наркотиков, нелегальных мигрантов, криминальной угрозой: *«цельные партии ворованных машин будут исчезать за границей»*, *«и вообще – экономическая ситуация в России очень плохая, так что существует экономический риск»*. Но эстонские респонденты согласились бы с *упрощением* режима, так как это способствовало бы развитию туризма и торговли между двумя странами, свободному общению между соседями и, прежде всего, родственниками.

Российские эксперты в целом за безвизовый режим, но осторожно говорят о плюсах и минусах. Большинство из них, в том числе таможенники, полагают, что визы – не препятствие для организованной преступности. Россияне, как и соседи, боятся притока контрабанды, наркотиков и оружия из Эстонии, а также усиления конкуренции для российского сельского хозяйства. Некоторые даже считают, что *«начнется вывоз бензина эшелонами, спекулятивная игра на разнице внешних и внутренних цен. Эстонцы ринутся скупать все, вплоть до соли и спичек. Необходимо все посчитать и оценить последствия»*. Но все-таки открытая граница – это хорошо, *«а негативными последствиями пусть занимаются специальные службы»*.

Кто должен продвигать приграничное сотрудничество?

Блок вопросов в наших интервью касался оценки экспертами *движущих сил приграничного сотрудничества*. Ответы на эти вопросы разнообразны. Часть респондентов считают главным субъектом сотрудничества предпринимателей: они-де всегда готовы к взаимодействию, и их активность ограничивается только неблагоприятными особенностями предпринимательского климата двух стран, визовым и таможенным режимом. Однако при слабости гражданского общества для многих экспертов основная движущая сила сотрудничества с российской стороны – местные и региональные власти. Так или иначе, все респонденты пришли к мнению, что *единого «локомотива» приграничного сотрудничества нет*.

¹⁸ Колосов В. А. Теоретическая лимнология: новые подходы. – Международные процессы, 2003, N 3, декабрь, с. 44-59; Колосов В. А. Как изучать новое пограничье России? – Международные процессы, 2004, т. 2, N 3, с. 89-96.

Российские эксперты особо подчеркивали противоречивость и пробелы его законодательной базы, отсутствие должных полномочий у областных властей и координации, недостаток внимания федеральных ведомств к приграничному сотрудничеству слабость координации действий между регионами Северо-Запада, которые на переговорах со своими партнерами из соседних стран ЕС должны выступать с единой позицией. По мнению экспертов, государственный уровень должен задавать условия для сотрудничества, а местный – разрабатывать его нормы и координировать выполнение соглашений¹⁹.

Эксперты отмечали, что *реальной мотивации к приграничному сотрудничеству у местных властей нет или она слаба* и ограничена по субъективным и объективным причинам. В Печорском районе администрация занималась внутренними *«политическими разборками»*, Ивангородская администрация – слишком *«маленькая и слабенькая»*. Нарва, по мнению эстонских экспертов, *«управляется как будто слепыми. Теперешние чиновники совсем не заботятся о будущем города, они делают свою работу и хотят быстрее уйти»*. Подчеркивалась, особенно с российской стороны, нехватка кадров, подготовленных для международного сотрудничества, владеющих английским языком. К тому же текущие вопросы, сфера ЖКХ – *«вся эта канализация»* – отнимает у местных руководителей много времени. Общее мнение экспертов – *«нам необходимо усилить местный уровень»*: важнейшее условие успеха – демократизация и расширение местного самоуправления.

Но даже если местный уровень активен, бюрократические и иные препятствия часто возникают со стороны федеральных властей (пример – судоходство между Псковом и Тарту). Старый мост через Нарову – также проблема не Нарвы и Ивангорода, а центральных властей, однако межправительственная комиссия, уполномоченная решать такие вопросы, долгое время не собиралась из-за отсутствия сопредседателя с российской стороны.

Одним из важнейших условий успешного приграничного сотрудничества, направленного на

удовлетворение потребностей местных территориальных общностей, в Европе полагают широкое участие в нем общественных (неправительственных) организаций. Однако, несмотря на успех «Чудского проекта» и некоторых других инициатив, в российско-эстонском пограничье их роль пока незначительна. В Псковской области *«из 300 зарегистрированных неправительственных организаций реально работают 15-20, из них имеют опыт международной деятельности и деятельности по международным проектам от силы 5-6, при том, что в 4 из них всех сотрудников – один директор»*.

Неудивительно, что в отсутствие реальной мотивации по крайней мере у части местных администраций и «социального капитала» в виде разветвленной сети общественных организаций, недостаточного уровня развития малого и среднего бизнеса совместные проекты часто реализуются по инициативе «третьей стороны», предоставляющей большую часть финансирования. Ряд проектов был инициирован правительствами северных стран, однако чаще всего в роли «третьей силы» выступает Еврокомиссия. Проекты по приграничному сотрудничеству поддерживались программами PHARE и TACIS, а теперь – Программой соседства. Эксперты признали, что приграничное сотрудничество развивалось, если было внешнее финансирование.

Кто больше выигрывает от приграничного сотрудничества? На этот вопрос большинство эстонских экспертов ответили однозначно – **Эстония**. *«Это простой вопрос – посмотрите на размер рынков. Если Россия потеряет эстонский рынок, это ничего не изменит, а для Эстонии российский рынок очень важен»*. Эстонцы уверены, что смогут лучше сотрудничать с Россией, чем финны или шведы. *«Наше преимущество состоит в том, что мы хорошо говорим по-русски»*. Того же мнения придерживаются и российские эксперты. В ответах эстонцев звучит и ностальгия: *«Я помню, как эстонские фермеры поставляли огурцы и капусту на ленинградские рынки, и сколько людей там покупало эстонские молочные продукты»*. И лишь три эстонских респондента добавили, что

¹⁹ Интервью с В. П. Лопатиным, заместителем председателя Комитета по внешнеэкономическим связям и туризму администрации Псковской области, главным экспертом и участником переговоров по приграничному сотрудничеству от администрации области, июнь и сентябрь 2004 г.

«русские беднее – естественно, они получают больше от безвизового режима и приграничного сотрудничества. Выгоду должен получить менее развитый партнер».

Даже большинство экспертов, не занимающихся специально приграничным сотрудничеством, плохо осведомлено о его возможностях и источниках финансирования, мало знакомы с реализованными в последние годы проектами. Понятно, что из-за этого часть экспертов скептически отзывалась о совместных проектах на деньги ЕС, именуя их «чиновничьим туризмом». В качестве примеров взаимодействий между соседними городами и территориями называли лишь очевидные, бытовые. Чаще всего говорили о посещении родственников и захоронений на другой стороне, мелкой торговле, особенно важной «для стариков, которые покупают дешевые вещи для себя и друзей по ту сторону границы», о вывозе в Эстонию полных баков дешевого российского бензина. Упоминали также культурные и спортивные обмены. Иногда специалисты в соответствующих сферах отмечали обмен информацией между таможенными службами и правоохранительными органами, сотрудничество станций скорой помощи. Собственно приграничная торговля сводится к поставкам в Эстонию леса (до сих пор в основном круглого) и рыбы. Эстонских товаров в магазинах даже Ивангорода и Печор практически нет. Однако псковские эксперты указали на недавние эстонские инвестиции в первичную переработку леса.

О создании **еврорегиона «Псков – Ливония»** слышали практически все эксперты, но, по их мнению, он пока никак себя не зарекомендовал. Настоящий еврорегион, как подчеркивают западноевропейские специалисты, может возникнуть не «сверху», в результате политического решения, а «снизу», завершая политической надстройкой долгий процесс укрепления трансграничных кооперационных связей между предприятиями, сближения между общественными организациями, региональными властями и муниципалитетами, формирования общественного мнения, хотя никто пока не доказал, что еврорегион принципиально невозможно создать «сверху». Однако еврорегионы – всего лишь форма этого

сотрудничества, реальное развитие которого требует значительных усилий. *«Еврорегион у нас воспринимается как офис по производству проектов. Правда, офис этот позорно мал – только по одному человеку из Эстонии, Латвии и России уполномочены выполнять всю работу»* (мнение эстонского респондента). *«Создание еврорегиона псковскими властями затеяно исключительно из соображений престижа. В администрации есть один-два человека, которые этим реально занимаются... Пока еврорегион – не настоящий».* *«Если нужно ездить друг к другу пить водку, можно как-то попроще решить эту проблему»* (мнение российских респондентов).

* * *

Таким образом, в приграничном сотрудничестве с Эстонией и другими странами Балтии восприятие другой стороны как руководителями, специалистами, экспертами, так и общественным мнением играет особенно большую роль. Наше исследование показало, что стереотипы взаимного восприятия сильны и оказывают прямое воздействие на отношение к границе, ее режим, заинтересованность в сотрудничестве. При этом эстонские эксперты относятся к взаимодействию с российскими соседями гораздо лучше, чем принято думать. По всей вероятности, двусторонние отношения России с балтийскими соседями еще долго будут отличаться повышенной эмоциональностью, подвержены резким колебаниям, зависеть от всего комплекса отношений с ЕС и Западом в целом. Из этого вытекает, во-первых, что нужны политико-правовые институты, которые были бы рассчитаны на долгосрочное действие и обеспечили максимальную автономность приграничного сотрудничества от внешнеполитической конъюнктуры. Во-вторых, чтобы сломать лед отчуждения, нужно начать с информации о жизни соседей, законодательстве, условиях торговли и инвестиций, необходимости приграничного сотрудничества и возможностях его финансирования и т.п., в том числе в региональных СМИ. Нужны регулярные форумы и контакты в разных сферах деятельности – для местных властей, предпринимателей, банковских работников, преподавателей, студентов, журналистов и т.п.